

Григорий Двас:

«Государство должно в первую очередь заниматься подготовкой кадров для тех отраслей, которые имеют общенациональное значение»

Можем ли мы сегодня говорить о престиже высшего образования, о формальном и реальном спросе на высшее образование в России, плюсах и минусах ЕГЭ, надо ли обязательно идти в 10-й класс и, конечно, о том, какие возможности дает Ленинградский государственный университет своим студентам и выпускникам. Об этом главный редактор «ЭГОИСТА» побеседовал с Григорием Двасом, ректором Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, доктором экономических наук, кандидатом технических наук, профессором, председателем Ленинградского областного отделения Русского географического общества.

Андрей НОВИКОВ,
главный редактор

Григорий Викторович, возможно, мой первый вопрос вам покажется несколько неожиданным, но все же. В СССР иметь высшее образование было престижно. Даже поговорка была такая: «Ученье – свет, а неученье – чуть свет и на работу». Но сегодня есть ощущение, что престиж высшего образования несколько утрачен. Особенно на фоне того, как люди без высшего образования, например, Олег Тиньков или Роман Абрамович, достигают серьезных успехов и прежде всего в предпринимательстве. Что вы думаете по этому поводу?

Григорий Двас. Я бы вообще не связывал образование и престижность между собой. Давайте подойдем к этому вопросу с другой стороны. Если мы посмотрим на структуру молодежи европейских стран с точки зрения образования, и в первую очередь профессионального

Григорий Викторович Двас, ректор Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина | ФОТО: ЕЛИЗАВЕТА ЕМЕЛЬЯНОВА, МЕДИАЦЕНТР ЛГУ

образования, то увидим четко выраженную пирамиду. Молодых людей в возрасте около 30 лет с высшим образованием примерно 10–12% населения. Еще примерно 20–25% молодых людей в этом возрасте – это люди с аналогом нашего среднего профессионального образования. А остальные, примерно 65–70%, – это люди либо с начальным профессиональным образованием, которого сейчас, к сожалению, в России не стало, либо вообще без профессионального образования. То есть это люди, которые имеют определенные навыки, получили определенную специальность, профессию, но как такового системного профессионального образования они не имеют. И такая структура с точки зрения образования вполне соответствует потребностям экономики.

У нас в России с точки зрения потребностей экономики ситуация примерно такая же. Но что касается уровня образования работников, то картина прямо противоположная. Примерно 45–50% молодых людей в возрасте 30 лет имеют высшее образование, около 25% имеют среднее профессиональное образование и остальные 25–30% не имеют профессионального образования вообще. То есть налицо совершенно явная диспропорция между потребностями экономики и тем, какое образование, по крайней мере номинально, имеют молодые люди. И если мы с вами посмотрим по функционалу, по тому, какие профессиональные навыки и знания требуются от работников, занимающих должности, формально требующие высшего образования, то увидим, что ничего общего с тем, что должно было бы дать высшее образование, здесь нет. И проблема здесь именно в псевдопрестижности высшего образования.

Например, когда я общаюсь с директором того или иного предприятия, спрашиваю: зачем ты в объявлении пишешь, что тебе на эту позицию нужен человек с высшим образованием? Ведь ничего, что требовало бы высшего образования, он делать не будет. А он говорит, что сейчас на рынке труда люди только с высшим образованием. И если я напишу в объявлении, что мне требуется специалист со средним образованием, то могу просто не получить откликов на вакансию. «Ну что вы, – скажет потенциальный кандидат, – это не для меня. Я белая кость, у меня высшее образование, я не пойду на должность, где любой пэтэушник может справиться». А если написать, что требуется специалист с высшим образованием, тогда он, скорее всего, согласится. Хотя будет просто крутить гайки целый день.

Празднование 30-летия ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022 г.

ФОТО: ЕЛИЗАВЕТА ЕМЕЛЬЯНОВА, МЕДИАЦЕНТР ЛГУ

Продолжая эту тему, хотел бы отметить вот что: в России сейчас 717 вузов, из них 501 государственный и 216 частных. В то же время стала обыденной практика, когда выпускник вуза идет работать совершенно не по полученной специальности. Может быть, стоит пересмотреть количество и направленность работы государственных высших учебных заведений в России?

Г. Д. Здесь несколько аспектов, на один из которых я уже осветил: на сегодняшний день заявленная, а не фактическая потребность специалистов с высшим уровнем образования достаточно высока, и первое, с чего надо начинать, – привести предложение кадров с высшим образованием в соответствие с реальным на него спросом. Формальный спрос – это когда пишут, что требуется специалист с высшим образованием. А реальный спрос – это когда на самом деле требуется человек, который будет крутить гайки, которому высшее образование не нужно. То есть надо перестать требовать высшее образование там, где оно не требуется. Это первое. И второе: безусловно, необходимо менять подходы к тому, какое образование будет финансироваться за государственный счет, а какое – нет. Государство должно в первую очередь заниматься подготовкой кадров для тех отраслей, которые имеют общенациональное значение, затрагивают государственные интересы.

Не кажется ли вам тогда, что если студент заканчивает высшее государственное учебное заведение и оплата его обучения была произведена за счет государства – мы говорим сейчас о бюджетных местах, – то он должен отработать определенный срок по той специальности, которую получил благодаря государственным средствам.

Г. Д. Я считаю, что такая постановка вопроса достаточно справедлива и обоснована, но только с одной оговоркой: это не обязательно должны быть государствен-

ные или муниципальные организации или учреждения. Например, если подготовлен специалист по музейному делу, это вовсе не означает, что он должен отработать потом 3 года именно в государственном музее. У нас в стране огромное количество частных музеев, которые принципиально важны с точки зрения сохранения культуры, а за культуру в целом отвечает все-таки государство. Поэтому если студент учился за счет бюджетных средств, то он должен обязательно отработать по полученной специальности какое-то количество лет, но не обязательно только в государственных организациях, учреждениях.

В 2001 году в России вместо выпускных и вступительных экзаменов ввели ЕГЭ. С тех пор не прекращаются споры о плюсах и минусах этой системы. Какое ваше отношение к системе единого государственного экзамена?

Г. Д. Не могу дать на этот вопрос однозначного ответа. Есть несколько аспектов, которые можно засчитать в плюс системы ЕГЭ, но есть и жирный минус. Для того чтобы понять, в чем именно заключается этот минус, стоит, пожалуй, сказать несколько слов о концепции профессионального образования. В чем сегодня кардинальная проблема в системе профессионального образования? В том, что мы перешли на так называемый компетентный подход, когда у нас все образовательные стандарты, извините за жаргон, «заточены» на то, чтобы выпускник высшего или среднего профессионального образования обладал определенным набором компетенций. Соответственно, исходя из этого принципа строится система образования в высшей школе, когда выпускник вуза должен обладать определенным набором узких компетенций, а все остальное может быть отброшено. Но в таком случае и абитуриент нужен не широко образованный, а тоже узко «заточенный» под будущие компетенции. В этом смысле ЕГЭ с подобной задачей справляется достаточно хорошо.

Но ежедневно общаясь с приходящими в университет первокурсниками, мы просто диву даемся: имея по 90–100 баллов по тем предметам, которые они сдавали на ЕГЭ, вчерашние школьники практически ничего не знают по другим дисциплинам! Не знают самых элементарных вещей! Однако для того, чтобы поступить в вуз, этого вполне достаточно. Для меня, человека, который заканчивал еще советскую школу, такое положение вещей вызывает беспредельное изумление. Главный недостаток компетентного подхода как раз и состоит в том, что впоследствии такой специалист просто не в состоянии отойти ни на йоту от этих самых своих компетенций. И если возникнет необходимость приобрести новые знания, новые компетенции, то ему придется полностью начинать весь образовательный цикл с нуля, то есть, по сути, получать второе высшее образование. В этом смысле ЕГЭ играет очень негативную роль. Считаю, что помимо ЕГЭ должен быть такой критерий, как средний балл аттестата, который тоже должен учитываться при поступлении в вуз. Это, по меньшей мере, будет стимулировать более равномерное, гармоничное и всестороннее развитие школьников.

Есть тенденция, когда с одной стороны родители учеников хотят, чтобы их дети пошли в 10–11 класс, а директора школ, наоборот, говорят: подумайте, может быть, имеет смысл пойти ребенку в профессиональное образование – в училище, колледж. А потом уже он поймет, действительно ли верно выбрал специальность, которую хочет и по которой готов продолжить обучение для получения высшего образования. Согласны ли вы с таким подходом?

Г. Д. Да, безусловно. Бывают, конечно, какие-то специальности, когда на самых ранних этапах становится понятно, что человек рожден для этой профессии. Скажем, если дело касается творческих профессий, то можно сказать: вот этот станет артистом, а этот художником, а этот писателем и так далее. Что же касается остальных сфер деятельности, то профориентация ученика достаточно нечасто происходит к окончанию школы. В этом случае лучше попробовать получить именно профессиональное образование. Лучше ошибиться на 7 лет раньше, чем на 7 лет позже. Пора уже, наконец, понять, что абсолютное большинство вчерашних школьников не могут точно определиться со своей будущей профессией. Вот если выпускник колледжа решил продолжить обучение, он уже что-то понимает в ней. И если он решил

продолжать обучение, это уже осознанный выбор и вероятность того, что он бросит обучение, гораздо меньше. И вероятность того, что потом, уже окончив вуз, он будет работать не по специальности, тоже меньше. Проведенный не так давно в России опрос 30-летних молодых людей, имеющих высшее образование, показал, что по специальности, полученной в вузе, работает всего 13% выпускников, остальные работают не по той специальности, но по специальности, которая требует высшего образования. Кто-то работает по специальностям, вообще не связанным с высшим образованием.

Поэтому если исходить из структуры нашего университета, то мы – классический вуз. И в рейтинге классических вузов России ЛГУ занимает 10-е место из почти 100. После нас идут такие известные на всю страну вузы, как, например, Южный, Сибирский и Томский университеты. Тем не менее на сегодняшний день примерно 35–40% наших студентов – это будущие педагоги. Хотя у нас нет отдельного педагогического факультета, на 10 факультетах университета из 12 происходит подготовка в том числе (но не исключительно!) педагогических кадров.

Можно ли выделить какие-то особые направления обучения в ЛГУ?

Губернатор Ленинградской области А. Ю. Дрозденко и ректор ЛГУ им. А. С. Пушкина Г. В. Двас на праздновании в университете Дня российского студенчества, 2023 г.
ФОТО: ЕЛИЗАВЕТА ЕМЕЛЬЯНОВА, МЕДИАЦЕНТР ЛГУ

Григорий Викторович, давайте поговорим о Ленинградском государственном университете, который вы возглавляете. ЛГУ – вуз достаточно молодой, образован в октябре 1992 года. Чем он привлекателен для нынешних абитуриентов?

Г. Д. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к истории. В 1992 году, когда появился университет, он назывался Ленинградский областной педагогический институт. И его профиль был однозначно связан с подготовкой педагогических кадров для Ленинградской области. Но уже в 1997 году из названия ушло слово «педагогический», и институт был преобразован в университет, так как к этому моменту у нас были уже образованы факультеты помимо педагогического, в частности филологический, исторический, юридический, психологический, экономи-

Г. Д. Они все достаточно интересные, но могу, в частности, отметить подготовку по такой специальности, как «биотехнология». Здесь наши студенты имеют возможность не только изучать теоретически те или иные предметы в рамках курсов данной специальности, но и заниматься практической наукой. Например, мы реализуем исследовательский проект по фиторемедиации. Наши специалисты разработали методологию подбора растений, которые вытягивают из загрязненных почв те самые загрязнители, которыми эти почвы испорчены. Причем давно уже известно, что для разных загрязнителей и для разных почв нужны разные растения для эффективного очищения. Их надо уметь правильно подобрать. В лабораториях ЛГУ как раз и совершенствуются методики подбора. Это высокие технологии, которые встретишь сегодня далеко

не во всех странах Европы. Мы довели эти методики до практических апробаций в совершенно реальных условиях. Речь, в частности, идет об устранении загрязнений в городах, где работают крупные промышленные предприятия, интенсивное движение транспорта. Так что наши студенты получают не только теоретические знания, но и овладевают практическими навыками.

Ранее вы упомянули о том, что изначально университет был нацелен на то, чтобы готовить специалистов для Ленинградской области. И отсюда вопрос: как на сегодняшний момент строится ваше взаимодействие с правительством Ленинградской области?

Г. Д. Правительство Ленинградской области – наш учредитель, поэтому именно оно определяет государственный заказ: какое количество студентов по каким специальностям будет обучаться за счет бюджетных средств. С другой стороны, в отличие от многих вузов, у наших студентов не возникает никаких проблем с выбором места для прохождения практики. Это не означает, что мы всех студентов загоняем силком в Ленинградскую область, но возможность в реальных условиях себя проявить, попробовать, применить свои знания мы предоставляем каждому из них. В результате получается, что после окончания обучения у выпускника ЛГУ есть широкий выбор возможностей, чтобы уже свою рабочую карьеру начать именно в Ленинградской области. Поэтому я считаю, что такие взаимоотношения с учредителем – мечта каждого вуза.

Я правильно вас понял: все выпускники ЛГУ имеют возможность получить достойную работу на предприятиях Ленинградской области?

Г. Д. Все верно, 98% наших выпускников успешно трудоустраиваются. Не все, конечно, непременно в Ленинградской области. У людей могут быть личные и иные обстоятельства, чтобы найти себе место работы в другом регионе. Но что я могу сказать абсолютно точно: за последние годы к нам не поступало ни одного обращения от выпускников с просьбой оказать содействие в поиске работы.

6 декабря 2024 года в Центре знаний «Машук» состоялась торжественная церемония награждения победителей XXI сезона Всероссийского конкурса «Моя страна – моя Россия» в рамках проекта президентской платформы «Россия – страна возможностей». Среди победителей конкурса – студентка III курса факультета естествознания, географии и туризма ЛГУ Софья Шабалина с про-

Студентка III курса факультета естествознания, географии и туризма ЛГУ им. А. С. Пушкина Софья Шабалина, 6.12.2024, Центр знаний «Машук» | ФОТО: LENGU.RU

ектом «Ладога – героическое прошлое, экотуристическое настоящее, турпрорывы будущего». Какие возможности для роста есть у талантливых студентов и выпускников университета в стенах самого университета?

Г. Д. Я считаю, что, с одной стороны, самая главная наша задача, а с другой стороны, оценка результатов нашей работы – это то, насколько широко мы даем возможность найти себя, раскрыться, реализоваться молодым людям. В университет приходят выпускники школ, которые ничего не знают о жизни, не разбираются в профессиях. Это надо как-то преодолевать. И некоторые студенты со временем начинают понимать, что ошиблись с выбором профессии. Я всегда, когда обращаюсь 1 сентября к первокурсникам, предупреждаю, что такое может произойти. И тем не менее рекомендую не бросать вуз, а доучиться. Потому что мы научим вас работать. Мы научим вас работать в самом широком смысле этого слова. Работать с информацией, работать в коллективе, работать с обществом. Мы научим вас различным формам взаимодействия.

В то же время у вас будет огромное количество возможностей для того, чтобы себя попробовать в каких-то других и необязательно смежных направлениях деятельности. В ЛГУ работает более 30 молодежных клубов самого широкого спектра интересов. Мы всегда подчеркиваем, что, если у студентов будет интерес к созданию еще одного, еще двух каких-то молодежных клубов, мы всегда это будем поддерживать, потому что это помогает им с самоопределением. Например, у нас есть туристический клуб,

но это не означает, что все его участники – это только студенты факультета естествознания, географии и туризма. Он открыт для всех студентов, которые, обучаясь, предположим, на математиков, могут к окончанию вуза понять, что сфера туризма стала для них более привлекательной. Мы вам точно гарантируем, что имея те знания, те навыки, которым мы вас обучим, вы запросто сможете освоить любую другую профессию! Не надо бросать! Дойдите до конца, получите диплом и после этого уже осознанно делайте выбор своей будущей профессии. Поэтому одна из таких наших базовых задач – предоставить как можно более широкие возможности для всех студентов для того, чтобы они могли попробовать себя в самых разных направлениях.

Общественная жизнь ведь очень тесно связана с профессиональной. И именно поэтому мы максимально поддерживаем стремление студентов к самореализации. С радостью оказываем помощь, содействие, когда у ребят есть желание попробовать себя где-то, выделяем средства на подготовку и участие в разных конкурсах, на оплату дополнительного обучения. У нас есть разные формы поддержки учащихся. Единственное, что мы не поддерживаем, – когда молодые люди ничего не хотят! Вот это мы категорически не поддерживаем! Студенческие годы даются человеку один раз, и, перефразируя классика, прожить их надо так, чтобы потом не было мучительно больно за то, что ты прожил их, не вкусив в полной мере студенческой молодежной жизни, не почувствовав ее кайф! ■